

Оценивать данный факт можно по-разному. Интерес к субъективной (в вышеприведенном смысле) стороне социологии совпадает с наметившимся в последние годы интересом к субъективной, исторической, контекстуальной стороне науки. В практическом плане акцентуация субъективной, локальной составляющей социального знания может привести и уже приводит к сближению академической социологии с внеакадемическими ветвями социального знания, например с феминистской или этнической социальной мыслью, большей ориентацией академической, в том числе теоретической социологии, на насущные социальные проблемы.

Последнее обстоятельство представляется особенно важным для развития социальной мысли в современной России. Мы видели, что мощные национальные школы социологии формировались в кризисные периоды и их становление было по существу попыткой спо-

собствовать разрешению насущных социальных проблем, причем, попытки эти были обусловлены особенностями национального и культурного развития, но привели к результатам, важным для мировой науки в целом.

Отечественная социология находится в стадии становления. С одной стороны, можно констатировать экспансию нашей дисциплины, которая занимает все более прочное место как в академической среде, так и в "повседневности", например в деятельности Масс Медиа; с другой стороны, собственные теоретические и контекстуальные основания отечественной социологии только формируются. В этой связи длительный национальный кризис, переживаемый сегодня Россией, может, при условии обеспечения демократических свобод, сыграть известную положительную роль в процессе формирования собственных концептуальных оснований российской социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Seidman S. Contested Knowledge. Social Theory in the Postmodern Era.* Cambridge, Mass., Basil Blackwell, 1994. P. 364.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–272.
5. *Parsons T., Bales R. F. Family Socialization and Interaction Process.* London: Routledge and Kegan Paul, 1956.
6. *Bales R. F. Interaction Process Analysis.* Cambridge, Mass., Addison-Wesley, 1950.
7. *Goldthorpe J. E. Family Life in Western Societies. A historical sociology of family relationships in Britain and North America.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 258–260.
8. *Plummer K. Symbolic Interactionism in Twentieth Century. The Rise of Empirical Social Theory* // B.S. Turner (ed.) *The Blackwell Companion to Social Theory.* Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 223–252.

Статья представлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 1 октября 1998 г.

УДК 316.77; 316.009.18; 316.42.

Л.С. Гурьева

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РАБОТА В ПОСЕЛКЕ МОГОЧИНО (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Работа проведена при поддержке РГНФ, грант № 96-03-18012

На примере поселка Могочино и Могочинского лесопромышленного комплекса (ЛПК) изучены проблемы безработицы в аспекте понимания их самим населением. Дан ретроспективный анализ государственной политики по отношению развития лесной промышленности на севере Томской области. Описаны механизмы формирования патерналистских ориентаций у работников Могочинского лесозавода, выявлен уровень готовности населения к возможным переменам в работе ЛПК.

Общественные затраты на безработицу часто измеряются в терминах объема товаров и услуг, которые не производятся, если люди не имеют работы. Это серьезные затраты, потому что утраченное производство обычно утрачивается навсегда и его нельзя наверстать. Но затраты личности на безработицу еще более серьезны и разорительны для работников и их семей, потеря доходов и сбережений почти неизбежна, а в некоторых случаях это потеря и квартиры. Безработица ведет к психологическим депрессиям, семейным конфликтам, а порой и к преступлениям. По этим причинам правительства почти во всех странах с рыночной экономикой предоставляют пособия по безработице на разные периоды времени потерявшим работу.

Государственное воздействие на занятость и уровень безработицы трудоспособного населения должны стать частью регулирования экономики и социальной политики. Одна из функций федеральных и территориальных органов (помимо социальной защиты населения, что чрезвычайно важно) заключается в формировании полноценного рынка занятости. В первом случае необходима поддержка, во втором случае регулирующая функция состоит в том, чтобы максимально сблизить спрос на наемную рабочую силу и предложение трудоспособного населения.

Центр независимых социологических исследований Томского государственного университета в октябре 1996 г. провел полевое исследование в пос. Могочино Томской области. *Объект исследования* – получающие пособие безработные, а также потенциальные безработные Могочинского лесопромышленного комплекса (ЛПК). *Задачи исследования* – дать ретроспективный анализ государственной политики развития лесной промышленности на севере Томской области, описать механизмы формирования патерналистских ориентаций у работников лесозавода, выявить уровень готовности населения к возможным переменам в работе ЛПК. *Методы исследования* – анализ документов, анкетный опрос, фокусированное интервью.

Результаты социологического исследования, проведенного в пос. Могочино, используются Томским областным центром занятости при разработке программы социальной адаптации работников лесной промышленности при безработице. В организации полевой социологической работы в пос. Могочино оказали большую помощь сотрудники отдела труда, занятости и миграции Молчановского района.

В работе использован социологический метод анализа документов: сборников архивных данных о спецпереселенцах, статистических данных по Томской области, материалов Томского областного центра занятости населения, данных отдела труда, занятости и миграции Молчановского района, статистических данных Могочинского поссовета, материалов музея могочинской школы им. А. С. Пушкина. Полученная информация дает возможность воссоздать жизнь и работу в пос. Могочино.

В настоящее время в пос. Могочино Молчановского района Томской области проживают 4938 человек, из них трудоспособного населения до 59 лет – 50 %, пенсионеров – 28 %. Основной род занятий жителей связан с лесоперерабатывающей промышленностью. Могочинский ЛПК в упадке, выпуск продукции уменьшился, работает лишь один цех. Значительная часть населения поселка потеряла работу, люди покидают обжитые места. Население, в особенности молодежь, вынуждено уезжать, чтобы пополнить в городе либо секторы теневой экономики, либо полукриминальную среду, так как все другие места заняты.

Упадок некогда процветающего поселка не является чем-то исключительным. Могочино – это образец типичного индустриального поселка, судьба которого полностью определялась волей и политикой государства. Время распорядилось так, что у него не было собственной линии судьбы, хотя существует поселок уже 270 лет. Автономность географического положения ставила его еще в большую зависимость от обстоятельств, диктуемых государством. Расположено Могочино на берегу Оби, транспортные коммуникации к поселку сезонные (осенью приходится долго ждать зимника через Обь), проживает в нем особый контингент жителей, умеющий хорошо работать, строить, возделывать свои сады.

Изучение истории развития этого поселка даст возможность связать воедино жизнь общества и биографии людей. За последние 80 лет положение поселка определялось этапами политических и экономических перемен в нашей стране, которые самым непосредственным образом влияли на Могочино. Первый этап – насильственная трудовая миграция, спецпереселенцы в 20–30-е гг. Второй – развитие сильного государственного патернализма по отношению к Могочино в 50–80-х гг. и, наконец, третий – смешанная экономика, псевдопартнерство между акционерами завода – рабочими и руководителями, упадок производства на лесопромышленном комплексе в настоящее время. Такова общая картина эволюции изучаемого нами типичного объекта лесодобывающей и лесоперерабатывающей промышленности севера Томской области.

Многое говорится о кризисе промышленного севера, ведутся поиски выхода из создавшегося положения. Можно назвать, по крайней мере, два подхода, пока не согласованные между собой: 1. Оздоровлять экологическую ситуацию. Единственный выход в таком случае видится в развитии сельского хозяйства и традиционных промыслов. Предполагается, что для данного региона исторически оправданы именно эти виды деятельности. 2. Продолжить развивать традиционную для советского периода лесную промышленность, перейти от продажи сырья на производство продукции по новым технологиям.

Выбор первого, второго или иного пути сохранения поселка в ситуации, когда лесная промышленность лишалась патронажа государства, скорее всего будет определяться политикой местных правительств, таких как Томская областная администрация и администрация Молчановского района и, что не менее важно, готовностью населения к переменам.

Цель исследования, проводимого в Могочино, – изучение механизмов приспособления населения к новым условиям, выявление трудностей сохранения жизнеспособности поселков такого типа. Чтобы изучить реальные возможности, необходимо сделать ретроперспективный анализ этапов развития поселка с начала великого подневольного заселения в 20–30-х гг., которое определило сегодняшнее демографическое и экономическое лицо региона.

Колонизация Севера или создание “второй промышленности” (1926–1938 гг. поселка Могочино)

Согласно статистическим данным, показывающим племенной состав населения Сибири, на 1887 г. в Могочинской пристани при реке Оби было 37 хозяйств. Население составляло 204 человека, из них 57 человек коренных жителей – остяки-самоеды [1]. Основными видами деятельности жителей были рыбная ловля и охотничий промысел [2].

К моменту Великой Октябрьской революции пос. Могочино было уже 190 лет, но решительные изменения в поселке произошли только в советское время. 6 июля 1925 г. на его территории был пущен лесозавод. В поздравительной правительственной телеграмме от 9 июня 1925 г. пуск завода отмечался как “крупное достижение в условиях советской экономики” [3]. Однако работать на нем было некому, сначала в 1930 г. приезжали на работу комсомольцы из города.

С 1931 г. на завод потоком хлынула дешевая рабочая сила в результате массовой депортации сельского населения из других районов. Официально насильственное переселение было объявлено как борьба с кулаками. В архивных документах по спецпереселенцам от 15 марта 1931 г. говорится о проведении массовой высылки рас-

кулаченных: “В целях полной очистки от кулаков с мая по сентябрь 1931 года намечено провести массовые операции по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза со всех областей” [4].

Переброски населения на север Томской области были не только результатом борьбы с кулачеством, их объясняли необходимостью процесса колонизации севера Сибири. Можно ознакомиться, каким образом виделся процесс колонизации теми, кто его осуществлял. В докладе СИБЛАГа для партийных и государственных властей говорится: “...решение о колонизационном освоении Нарымского края кулачеством, этим актом и последующим за ним осуществлением была разрешена историческая колонизация. В течение 65–70 дней Нарымский край, колонизированный царским правительством в течение 350 лет и получивший за этот промежуток времени около 40000 человек переселенческого населения, удвоил количество жителей. Вселение 180000 человек спецпереселенцев в Нарым коренным образом изменило всю его экономику и уклад жизни, создало чрезвычайные перспективы для хозяйственного использования громаднейших его богатств” [5].

Интенсивная “колонизация” пос. Могочино начинается с 1931 г. В Кривошеинском районе открывается Могочинская комендатура. В нее входили 5 поселков спецпереселенцев: Федоровский, Сборный, Классовый, Яковлевский и Могочино. Последний был самым крупным, 608 семей составляли 1992 человека¹. С 1931–1933 гг. в Могочино перебрасывали крестьян с Алтая, позже (в 1938 г.) были этнические переселения, например появляются немцы с Поволжья. Спецпереселенцы составляли костяк работников завода в Могочино, последующие их поколения живут и работают в нем и по сей день.

Насильственное переселение крестьянства было жестокой акцией, люди как песчинки становились строительным материалом, их отрывали от привычных условий, привычного рода занятий, лишения и болезни были их постоянным уделом. В документах СИБЛАГа ОГПУ дается, наряду с сообщениями об успехах работы, описание жизни спецпереселенцев Могочино.

“Первой из обследованных мною комендатур была Могочино, спецпереселенцы которой заняты на работах лестреста. К нашему приезду ЛПХ совершенно не имел продовольствия, особенно хлеба, и администрация ЛПХ кормила людей суррогатом хлеба: его приготавливали из муки с опилками. Чтобы не провалить лесозаготовки и предотвратить массовые побег спецпереселенцев, пришлось дать распоряжение комендатуре отпустить ЛПХ продовольствия на две недели (о чем доносил Вам телеграммой). На лесозаводе дело с продовольствием обстояло немного лучше, но очень скверно со строительством.

Около половины отпущенных на жилищное строительство для спецпереселенцев кредитов было израсходовано на другие цели. Произведенное лесозаводом строительство жилых домов при осмотре их оказалось произведенным без соблюдения элементарных требований санитарии и пожарной охраны. Досчатые засыпные двухквартирные домики поселка отделены друг от друга расстоянием в 6 м, весь поселок расположен на узкой гривке. В домах живут по 4–5 семей. Засыпка в стенах осела, и дома стали холодными. При всем том лесозавод затрачивал на строительство одного такого барака-домика 2700 руб., в то время когда по местным условиям он не должен был бы превысить 700–800 руб.

На заводе было установлено большое неблагополучие по эпидемическим заболеваниям брюшным и сыпным тифом. Администрация, по нашему мнению, не приняла достаточных мер, и только с приездом комиссии нами была организована “тройка”, для которой проработали календарный план на две недели по борьбе с эпидемией. Эту работу “тройка” выполнила, в чем мы убедились на обратном проезде через Могочино”².

По существу спецпереселение было ссылкой, а по цели – экономической политикой государства. Потоки принудительной миграции крестьянства направлялись с 1931 г. осознанно, с учетом целей и задач осуществления экономической политики, в воплощении которой существенно возрастало значение ОГПУ. В балансе рабочей силы, требуемой для освоения восточных территорий страны, так называемый спецконтингент играл важную, а в реализации ряда народнохозяйственных

программ – и решающую роль. Можно говорить о развитии “второй промышленности”, трудовые ресурсы которой составляли предположительно 10–15 % от всей рабочей силы страны. Для этого карательным органам потребовалось “обезвредить” 2–3 % населения в каждом регионе. Анализ архивных документов ОГПУ, представленных в 3 выпусках сборника “Спецпереселенцы в Западной Сибири” (Сб. архивных документов / под ред. В.П. Данилова, С.А. Красильникова. М.: Наука, 1992–1994 гг.) позволил нам выявить цели, под которые создавалась “вторая промышленность”.

1. Изменение демографической ситуации в отдаленных, богатых природными ресурсами районах. Потоки принудительной миграции изменили демографическую ситуацию в регионе: население северных районов края выросло со 119 до 300 тыс. чел., т.е. почти втрое, произошло удвоение населения промышленных районов Кузбасса. По статистике СИБЛАГа, 2/3 спецпереселенцев региона составляли местные “кулаки”, в северных комендатурах их доля достигла 9/10 [6, с. 3–4].

2. Развитие определенных отраслей народного хозяйства. Основные отрасли, в которых шла дислокация переселенцев в Западной Сибири: сельскохозяйственные, лесная промышленность, смешанные – Томская область и Нарымский край; Востокуголь, Востоксталь – Кузнецкий бассейн³.

3. Получение дешевой рабочей силы. Договоры, заключаемые ГУЛАГом и СИБЛАГом с теми или иными хозяйственными ведомствами об использовании труда спецпереселенцев, являлись результатами согласования интересов этих двух сторон за счет третьей – спецпереселенцев. Последние воспринимались договаривающимися сторонами не более как “рабсила”, дешевый и быстро восполняемый ресурс, аналогичный инвентарю или рабочему скоту. Стиралась грань, различающая, скажем, договоры СИБЛАГа с лестрестом для работы в леспромах нескольких тысяч семей спецпереселенцев и того же СИБЛАГа с ведомством Союзконь о поставке нескольких тысяч лошадей в северные комендатуры [6, 7].

Спецпереселенцы были дешевым кадровым ресурсом, тем более выгодным, что их труд практически не оплачивался. В рапорте “...о результатах обследования условий труда и быта трудопоселенцев в лесной промышленности края” от 22 ноября 1933 г. даются сведения об оплате труда. “Трудопоселенцы, будучи вполне добросовестными рабочими, не получают ни зарплат, ни авансов и в то же время считаются постоянными должниками (в Алатаево), ... Нарымский шпалозавод не платит 1,5 мес. ... А в результате главы семейств трудопоселенцев совершенно лишены возможности дать себе хоть какую-либо материальную помощь” [5, с. 170].

Эта практически бесплатная рабочая сила быстро и интенсивно восполнялась, на смену умершим от болезней и недоедания спецпереселенцам присылались новые семьи. Продолжаем читать докладную записку о работе Могочинской комендатуры. “Землеустройство спецпереселенцам не проведено, земли не отведены. Завод расширяется, ставят еще несколько рам, почему ему потребуется еще большее число рабочих рук (до 1000 человек). Кроме того, на другом высоком берегу

Оби против завода надо создать поселок до 300 семей, рабочая сила которых будет использоваться на погрузочно-разгрузочных работах и на сельскохозяйственной деятельности для снабжения продуктами рабочих завода» [6, с. 214, 215].

4. Решение экономических и политических проблем ОГПУ. СИБЛАГ имел прямую экономическую заинтересованность в рациональном использовании спецпереселенцев – с заработка последних в пользу СИБЛАГа отчислялось от 15 % (осень 1931 г.) до 5 % (с 1932 г.) [6, с. 7]. За счет комендатур сельскохозяйственного профиля (в том числе промысловых) обеспечивались, хотя и не полностью, продовольственные потребности так называемых промышленных комендатур. Помимо этого подсобные хозяйства спецпереселенцев помогали смягчить продовольственную проблему внутри комендатур.

Карательные органы превратились в мощную структуру, постепенно распространившую свою экспансию на целые отрасли сельского хозяйства, железнодорожного и шоссеного строительства, строительства гидростанций и многое другое. В ряде районов массового расселе-

Трудовая активность спецпереселенцев – цена за выживание

При переселении практически формировалась основа состава населения современных индустриальных поселков севера Томской области. Именно спецпереселенцы определили обычаи, демографические и этнические характеристики, образ жизни, формировали ценности и нормы работоспособного населения от одного поколения к другому. На спецпереселенцах и их потомках держался трудовой энтузиазм Советской России. Кто эти люди, составляющие значительную долю работающих на лесозаводе? Мы располагаем лишь незначительной информацией о демографической структуре контингента спецпереселенцев 7 поселков Могочинской комендатуры в 1932 г. К трудоспособному населению относились лица в возрасте от 12 лет. Всего было 5723 человека, из них мужчин 1800, женщин – 1480, подростков от 12 до 16 лет – 521, детей до 12 лет – 1922 человека⁴.

Поставленные в экспериментальные условия борьбы за выживание в спецпоселениях до 1935 г. в северных комендатурах края многие погибали, шел процесс депопуляции населения, смертность в несколько раз превышала рождаемость. Но спецпоселенцы-крестьяне искали и находили возможности для выживания. С точки зрения репрессивных органов спецпереселенцы имели ряд преимуществ по сравнению с другими категориями подневольной рабсилы и наиболее подходили для целей колонизации труднодоступных необжитых районов [6, с. 7]. В условиях спецпоселения высланные крестьяне быстро вживались в местную природную и социальную среду. Особенности “кулацкой ссылки” (высылка преимущественно семьями, компактное размещение в поселках ссыльных из одной местности) позволяли до известной степени смягчить трудности начального периода расселения. Спецпереселенцы являли собой едва ли не “идеальный человеческий материал”, пригодный для освоения новых территорий, и особенно “выигры-

вания спецпереселенцев, в частности в восточной части страны (Северный Казахстан, Нарымский округ Западной Сибири), органы ОГПУ-НКВД создали своего рода закрытые зоны с собственной системой жизнеобеспечения (торговля, снабжение, медико-санитарная сеть), практически неподконтрольные местным органам власти. В них переселенцы, превосходя по численности в 2–3 раза коренное население, составляли основной контингент занятых в базовых отраслях региональной экономики [6]. Для осуществления целей и задач экономической (колонизационной) политики государство, используя репрессивные органы, перемололо сотни тысяч человеческих судеб.

Для чего копаться в прошлом одного поселка, могут сказать некоторые читатели. Методы и принципы экономического управления севером Сибири формировались в 30-е гг. в рамках господства государства в экономике. Переход на партнерские отношения в производстве, которые являются идеалом для выживания завода и поселка, очень труден. Во многом такой переход зависит от прошлого, которое необходимо знать.

вали” по сравнению с городским деклассированным элементом. Крестьяне сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда.

Уже во взрослом возрасте, будучи профессиональным социологом, я (автор) долго не могла понять, почему мой дядя из раскулаченных в Амурской области, бежавший с лесоповала на Зейские прииски, потеряв и пережив все, через несколько лет становится стахановцем. Мой личный опыт, полученный при исследовании проблем пос. Могочино, дал возможность приблизиться к разгадке этого явления.

Феномен ударного труда спецпереселенцев требует особого изучения. Уже отмечались универсальность крестьянского труда и высокая степень адаптации крестьян к экстремальным условиям жизни в районах нового хозяйственного освоения. Официальные обследования 30-х гг. свидетельствуют, что спецпереселенцы, поставленные повсеместно в заведомо худшие условия труда, нежели вольнонаемные, нередко добивались более высоких производственных показателей. И это несмотря на очевидную дискриминацию в оплате и охране труда. Мотивы подобного трудового поведения вряд ли правильно связывать с “успехами перевоспитания кулаков”. Спецпереселенцы были поставлены в условия, когда труд служил главным средством выживания. Особенно ярко это проявлялось в первые годы после расселения: при нормированном снабжении работавшие, как правило, получали паек почти вдвое больше иждивенцев; перевыполнение нормы выработки поощрялось увеличением пайка на 1/4. Это понуждало к интенсивной работе не только глав многодетных крестьянских семей [6]. Трудолюбие присуще раскулаченным крестьянам, именно оно послужило формальным основанием для репрессии крестьянина. Говоря об оценке вклада спецпереселенцев в развитие экономического потенциала северно-

го региона, нужно заметить, что она не может быть однозначной. Применяя метод изучения биографий и истории, немецкий социолог XIX века Макс Вебер пришел к выводу, что трудолюбие предпринимательского слоя в Германии связано с этическими ценностями протестантизма. Изучая историю и биографию населения индустриального пос. Могочино, можно прийти к выводу, что трудовой энтузиазм всех строек Советской

России связан с ценностями крестьянского труда и адаптацией крестьянского населения к экстремальным условиям выживания. Энтузиазм был ценой этого выживания.

Развитие Могочино в 50–80-х гг. демонстрирует, как трудолюбие и преданность населения работе делают индустриальный поселок глубинки известным в России.

Усиление “государственного патронажа” (Могочино в 50–80-е гг.)

В этот период отмечается несколько пиков в развитии Могочинского лесозавода: увеличивается количество видов продукции, повышается объем производства и, наконец, интенсивно строятся инфраструктуры поселка. Жизнедеятельность поселка и полная ее зависимость от лесозавода была точно выражена в поэтической метафоре статьи газеты “Правда”: “Небольшой поселок прижался к крутой обской излучине, великая река словно бы обнимает его своей студеной и мощной рукой. Это

поселок речников и лесопильщиков, сердце его – Могочинский лесозавод” [7].

Анализ документальных данных показывает, что пики роста развития поселка приходятся на те годы, когда государство увеличивало объемы финансовых вложений в лесную и деревообрабатывающую промышленность – это 50–60-е гг. Тенденции в распределении основных производственных фондов можно проследить по данным табл. 1.

Таблица 1

Распределение основных промышленно-производственных фондов по отраслям промышленности и по годам, в % (выборка по ресурсным отраслям) [8]

Отрасль	1940	1945	1950	1960	1970	1980	1990	1993
Нефтедобывающая	–	–	–	–	9,7	27,7	49,9	49,4
Химическая и нефтехимическая	–	–	2,1	2,0	2,9	2,9	13,4	25,7
Лесная и деревообрабатывающая	44,9	19,4	31,1	36,9	25,7	15,1	6,3	4,2

С начала войны по заказу Министерства лесной промышленности могочинский завод производит авиадощечку, соответственно развиваются новые технологии. Ударный труд могочинцев был отмечен благодарностью Сталина. На заводе в это время было 1000 рабочих мест.

Стабильно высокие вложения приходятся на 50–60-е гг.: соответственно 31,1 и 36,9 %. Могочинский лесозавод в этот период выпускает самый большой ассортимент продукции, развивает территориальные связи со многими республиками Союза. Производятся вышечные брусья для буровых Баку, пилосельмаш для Алтайского и Новосибирского заводов, деревянные джерки для среднеазиатских шелководов, одно- и двухквартирные дома для лесников треста Томлес. В 1948 г. “завод дал стране 126000 кубических метров пиломатериалов, значительно превысив план” [9].

Поселок быстро строится. Особый взлет в строительстве приходится на 60-е гг. Строятся детская библиотека, еще одна средняя школа, новые микрорайоны. Жилищно-коммунальные сети поселка приближаются к городским стандартам, проводится телефонизация, к домам подключается центральное отопление. Широкою известность в эти годы поселок приобретает как центр духовной культуры. Могочинская школа им. А. С. Пушкина приобретает известность на всю страну. И сегодня в ней работает знаменитый литературный музей-клуб “Лукоморье”, членами которого побывали 1100 школьников. Тема Могочино становится настоящим газетным

бумом в центральной и в местной прессе [10]. Экспозиции школьного музея описываются даже в “Комсомольской правде” [11].

Детальное рассмотрение процесса развития производства и жизнедеятельности населения Могочино понадобилось для того, чтобы продемонстрировать характер политики государства по отношению к северным районам Томской области. Обратимся к табл. 1. С 1970 г. начинают расти производственные фонды в нефтедобывающей промышленности с 9,7 % до 49,4 % в 1993 г. и падают вложения в лесопромышленный комплекс Томской области с 36,9 % в 1960 г. до 4,2 % в 1993 г. На севере Томской области появляется новая перспективная с точки зрения государственной политики ресурсная отрасль – нефтедобывающая. Лесопромышленность становится невыгодной, значительная часть лесных массивов вырублена. Могочинский ЛПК заготавливает древесину на лесозаготовительном пункте Прохоркино, который находится за 400 километров от пос. Могочино.

Опыт Могочино 50–80-х гг. показывает, что “чистая” ресурсная политика государства всегда связана с риском, но в определенный период времени она дает позитивные результаты, в частности для Могочино это застройка поселка, развитие лесозавода. Как только сырьевые ресурсы исчерпываются, “патронажная помощь” со стороны государства начинает ослабевать, планово-дотационная политика государства меняет свою адресность. В проведении политики такого рода имеются две

серьезных опасности: первая – остановка производства и массовая потеря рабочих мест в целом для поселка, вторая – утрата основы для развития инициатив местного самоуправления районного и поселкового уровня.

Кризис в лесной промышленности и высвобождение рабочих мест в Могочино (90-е гг.)

Политика развития рыночных отношений в современной России, ориентированная в промышленности преимущественно на создание смешанных форм собственности, таких как государственная и акционерная, предполагает значительные реформации. Помимо организационно-управленческих и технологических перемен, изменяются капиталовложения. Возможна комбинация федерального, областного и местного уровней финансирования, т.е. схема полностью меняется. Акционерному обществу АООТ “Могочинский ЛПК” нужно искать выход из создавшегося положения в первую очередь самому. Положение Могочинского ЛПК крайне тяжелое. Отчасти это объясняется в целом тенденциями развития лесной отрасли в Томской области, имеющей определенную специфику. 89 % предприятий, связанных с лесозаготовкой и деревообработкой, – моноотраслевые по структуре, поэтому кризис лесной отрасли имеет в нашем регионе тяжелые социальные последствия.

Помимо этого, у значительной части трудоспособного населения развиваются патерналистские ориентации, предполагающие ожидание помощи со стороны.

В 1995 г. доля бюджетных поступлений упала до 1,4 %, при этом численность занятых в лесной отрасли составляет 18 % от общего числа занятых в промышленности. Удельный вес в объеме капитальных вложений по основным отраслям экономики области в 1995 г. составил по лесозаготовке 0,2 %, по деревообработке – 0,5 % [12]. В 1995 г. 58,5 % предприятий Томского лесопромышленного комплекса были убыточными (средняя величина по России – 44,3 %). Следствием является массовое высвобождение рабочих. Если в целом по области уровень безработицы колеблется в пределах 5 %, то в районах, ориентированных на производство лесопромышленного комплекса, – от 10 до 25 %, а в отдельных лесопоселках до 60–80 %. В Молчановском районе, где находится пос. Могочино, число безработных увеличивается постоянно (табл. 2).

Таблица 2
Рост безработных от общего числа стоящих на учете в службе занятости области за 1991–1996 гг.⁵

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1.08.96
Показатель, %	2	5	6	20	32	35

В пос. Могочино из 2800 человек трудоспособного населения 545 проживают на пособии по безработице, 420 человек относятся к категории потенциально безработных, т.е. 42 % трудоспособного населения не имеют работы и перспектив ее получения⁶. Неуклонный рост безработицы – это уже не только невозможность трудоустройства отдельного человека, а проблема сохранения жизни целого поселка. Неслучайно появляется определение “депрессивных” поселков, ставится проблема возможного расселения “неперспективных поселений”.

Естественно, процессы такого рода сдерживаются. Государство направляет средства на социальную защиту безработных, а также на создание и сохранение рабочих мест. Так, в Молчановском районе планируется организовать дополнительные рабочие места для 115 чело-

век с финансированием из местного бюджета и средств предприятий в сумме 850 млн. руб. Из них часть средств будет направлена в Суйгу (где расположен лесозаготовительный пункт Могочинского завода) для организации цеха по изготовлению столярных изделий и переработке древесины.

Но это лишь разовые акции, они не могут быть основной функцией центров занятости, и надеяться на финансовую поддержку с этой стороны, рассматривать ее как основание для стабилизации ЛПК не имеет смысла ни районным руководителям, ни населению Могочино. Возможно, единственный реальный путь выхода из ситуации – это соединение интересов администраций Молчановского района и Томской области, руководителей Могочинского ЛПК и работающего населения поселка.

Работа и будущее поселка: общественное мнение

Пришло время нового выживания для жителей поселка. Условия не столь экстремальные, как в 30-х гг., цели иные – не выживать, а жить, и самое главное – другие средства: самоорганизация и партнерство между Центром и регионом, между региональными и местными правительствами, между руководителями и рабочими. Политика партнерства – образец, к которому стремятся государства с устойчивой демократией, и идеал, к

которому стремится современная Россия. Сложность в том, что идеал – то новый, а материал старый – традиции, привычки, кадровый ресурс. Осваивать новые стандарты со старым материалом трудно. Поэтому человеческий ресурс становится самым важным элементом новых политик России.

Во второй части этой статьи дан анализ общественного мнения трудоспособного населения поселка по

следующим вопросам: оценка актуальных проблем жизнедеятельности поселка, отношение к безработице, готовность к переменам, поиски выхода из сложившегося положения в работе Могочинского ЛПК. Для получения информации были использованы следующие методы: фокусированные интервью с безработными и с работниками завода, анкетный опрос (опрошена 1/4 часть без-

работных, стоящих на учете по безработице в Могочино). Состав опрошенных: 45 % – мужчины, 55 % – женщины. По возрастному признаку: 28 % – до 27; 45 % – от 28 до 39; 27 % – старше 40 лет. По уровню образования: 18 % – менее 10 классов; 36 % – среднее образование; 40 % – среднеспециальное, 6 % – высшее. Исследование было проведено в октябре 1996 г.

Готовность к переменам

Местное правительство Томского региона предпринимает меры по сохранению лесной промышленности севера, проводит политику создания рабочих мест. Планируется федеральный социально-экономический эксперимент по программе “Устойчивое развитие лесопромышленного комплекса Томской области на основе рационального лесопользования и глубокой переработки лесопродукции”. Предполагается, что ее реализация даст 3000 рабочих мест. Не остались в стороне и проблемы Могочино. Специалисты работают над перспективой возможной реконструкции завода, разрабатывается проект “Организация на Могочинском ЛПК производства комплексной переработки и облагораживания древесины”. Анализ социальных проблем работы и безработицы вынуждает нас прибегать к директивным документам, так как они дают возможность увидеть ориентиры в политике областной администрации по отношению к отдаленным районам.

Кроме инвестиций, нового оборудования для стабилизации работы ЛПК требуются кадровые ресурсы. В Могочино это бывшие работники завода, получающие пособие по безработице. Еще не так давно многим из них было выгоднее “получать не работая, чем работать не получая”. Было опасение, что в такой ситуации довольно быстро сформируются рентные установки населения. Однако данные Томского областного центра занятости населения показывают падение роста зарегистрированных безработных в октябре по сравнению с сентябрем этого года (напомним, что исследования проводились в 1996 г.).

Большинство понимает, что финансовая стабильность не обеспечивается пособием по безработице. Закон о занятости становится жестче, с мая 1996 г. в него внесены изменения, усилившие требования к статусу безработного. К тому же выплата пособий задерживается. Проанализируем позицию безработных по ожиданию перемен. Важный фактор мотивации – готовность людей работать, если произойдет реконструкция завода. 62 % опрошенных демонстрируют готовность к работе, 22 % затруднились ответить на этот вопрос и лишь 16 % отвечают отрицательно. Работа в новых условиях потребует переподготовки. Данные показывают, что имеется позитивная установка на возможное переобучение. Ответы на вопрос, согласен ли человек переобучаться, распределились так: а) Да, полностью согласен – 45 %; б) Скорее да, чем нет – 12 %; в) Скорее нет, чем да – 5 %; г) Нет – 15 %; д) Получится ли у меня – 23 %.

Более половины (57 %) выразили согласие переобучаться (по sdвоенной шкале да + скорее да, чем нет) и

лишь 15 % ответили – нет. Можно отметить, что в первом и во втором случаях имеется почти одинаковое количество людей, не дающих согласие на участие в работе с новыми технологиями и оборудованием (соответственно 16 и 15 %). Эта та часть людей, которые близки к пенсионному возрасту (в выборке людей старше 40 лет было 27 %), им труднее заниматься переобучением, многие из них готовятся к пенсии. В условиях Могочино получение пенсии является финансовым подспорьем, если имеется свое хозяйство.

Готовность работать в новых условиях и согласие на переобучение зависят от самого субъекта. В таком случае у опрошенных преобладают позитивные установки. Что касается действий, которые зависят не от собственной воли, а от обстоятельств, картина совершенно иная. Это касается вопроса о потенциальных возможностях работы ЛПК в настоящее время и работы на лесозаготовке. Скептическое отношение к возможностям выхода ЛПК на нормальный режим работы демонстрируется следующими данными: 47 % не видят возможностей выхода на нормальный режим работы ЛПК, 38 % затруднились ответить на этот вопрос и только 15 % уверены, что ЛПК выйдет из кризиса. Ситуация распада сильнее воспринимается на фоне длительного благополучия лесозавода в предыдущие годы, в которые, по сути, проводилась дотационная политика по отношению к заводу и поселку.

Скептическое отношение наблюдается и в отношении возможностей ритмичной работы на лесозаготовительных пунктах. Ответы на вопрос “Смогут ли лесозаготовители в Суйге и Прохоркино обеспечить ритмичность работы?” распределились так: 37 % ответили утвердительно – да; 7 % – скорее да, чем нет; 6 % – сомневаются; 25 % – нет, не смогут; 26 % затруднились ответить. Позитивные мнения о том, что можно обеспечить дисциплину и ритмичность работы лесозаготовителей в Суйге и Прохоркино, имеют лишь 37 %, настроены скептически 31 %, даже если не считать сомневающихся и тех, кто ответил “Трудно сказать”. При проведении фокусированного интервью многие говорили, что сделать работу на лесозаготовке ритмичной можно, “если построят теплые бараки для вахтовиков, будет чисто и будут платить зарплату, найдется молодежь, которой нужна работа”.

Необходимо обратить внимание, что данные ответов на вопросы “Выйдет ли ЛПК из кризиса?” и “Смогут ли лесозаготовители в Суйге и Прохоркино обеспечить ритмичность работы?” указывают на значительную часть опрошенных, которые затрудняются ответить. 38 % зат-

рудняются сказать, сможет ли ЛПК выйти на нормальный режим работы и 26 % также затрудняются по поводу того, можно ли обеспечить дисциплину и ритмичность на лесозаготовках. Эти данные позволяют сделать вывод, что трудоспособное население занимает активную позицию – только дайте работу.

Уже отмечался высокий уровень социальной депрессии на шкале эмоционального самочувствия населения: тревогу испытывают 79 %, неуверенность – 71 %. Непредельность одной трети опрошенных в вопросах перспектив ЛПК указывают на амбивалентность их позиции. Это те работники, которые поверят или не поверят, смогут или не смогут в зависимости от внешних обстоя-

тельств. Одним из важнейших факторов, определяющих внешние обстоятельства, является организационно-управленческая ситуация на заводе. Помимо специфического могочинского контекста – отношения к руководству – существуют объективные обстоятельства повышения требований к качеству работы управленческого персонала. Связано это с поголовной приватизацией в отрасли деревообработки по России (95–98 %), более 80 % – по лесозаготовке. Произошло это в условиях убыточного характера отрасли. Это обстоятельство пагубно повлияло на качество управления, административные методы утрачены, а рыночные механизмы координации и партнерства не созданы.

Поиски выхода Могочинского ЛПК из кризисного положения

При опросе безработных каждому было предложено написать свое мнение в свободной форме о том, “что нужно было бы сделать, чтобы ЛПК смог выйти на нормальный режим работы?” Полученные тексты обработаны методом контент-анализа и представлены ниже.

Проблемы по степени важности их решения распределены следующим образом (результаты даны в процентах от числа опрошенных). 1. Смена руководства – 61 %. 2. Необходимость быстро действовать и решать – 14 %. 3. Изменить технологии, оборудование – 8 %. 4. Обеспечить нормальным лесом – 7 %. 5. Изменить положение в стране – 2 %. 6. Дать работу молодым – 2 %. 7. Нужны инвестиции – 1 %. 8. Уже ничего не делаешь – 1 %.

На первом месте стоит проблема управления заводом, 61 % опрошенных высказались за смену руководства ЛПК. Причин для этого, с точки зрения общественного мнения, называется много. Одна из них – безынициативность руководства: “желательно было бы, чтобы заинтересовано было руководство, немного проявляло инициативу, а не бездействовало”. Другая – явное материальное неравенство между рабочими, которые вместо зарплат получают булку хлеба в день, и руководством завода.

И, наконец, отсутствие даже незначительных признаков партнерства между рабочими и руководителями, хотя часть рабочих, так же как и руководители, являются акционерами АОТ “Могочинский ЛПК”. Так, о характере отношений пишет один из респондентов: “надо не допускать, чтобы наше руководство закоренилось, что-

бы не успевало нас превращать в чернь, никому не нужных людей, так как за людей наше руководство нас не считает.” Мужчина 34 лет пишет: “Сделать можно все. Выйти на нормальный уровень ЛПК, сменить ИТР, главное сменить директора и чтобы руководители не успели укорениться, а то потом и булку хлеба не дадут”.

Следующая проблема, решение которой поможет ЛПК выйти на нормальный режим работы, – необходимость быстро действовать и решать (мнение 14 % опрошенных). Здесь предложения по организации работы, по выпуску новой продукции. Основная тема – все переделать, изменить ценовую политику: “снизить немного цены на продукцию”, “заинтересовать каждого работника в своем труде, т.е. работать от выработки и качества и получать зарплату от этих критериев”.

На третье место поставлена проблема изменения технологии и оборудования. Проблема поставки хорошего сырья (леса) занимает 4-е место.

Для руководителей завода позиция опрошенных, проиллюстрированная результатами нашего исследования, может стать основой для изменения их взаимодействия с рабочими. В поселке в свое время люди прошли через многое, выжили. Их дети умеют крепко работать, строить прекрасные дома, вести крепкие хозяйства. Много в судьбе Могочино зависит от них. Развитие самоуправления и партнерства – два новых лозунга для лесозавода. Их успешная реализация в значительной степени зависит теперь уже больше, чем от Центра, от руководства Молчановского района.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сведения о размещении спецпереселенцев, представленные СИБЛАГом ОГПУ в Западно-Сибирский крайисполком для организации регистрации актов гражданского состояния. Архивные данные по Могочинской комендатуре [6, с. 292].
2. Из докладной записки СИБЛАГа ОГПУ в Западно-Сибирский крайисполком о хозяйственном устройстве спецпереселенцев в северных районах края (не ранее апреля 1932 г.) [6, с. 31–33].
3. Справка СИБЛАГа ОГПУ в Западно-Сибирский крайисполком о дислокации спецпереселенцев от 24 сентября 1931 г. [6, с. 287].
4. Сведения о дислокации комендатур СИБЛАГа и численности в них переселенцев, представленные крайздравом в Наркомздрав РСФСР, декабрь 1932 г. [6, с. 308].
5. Данные Томского областного центра занятости населения, август 1996 г.
6. Данные отдела труда, занятости и миграции Молчановского района, сентябрь 1996 г.

1. *Язык и роды инородцев (на основании данных специальной переписи 1897 года)*. Т. 2. СПб., 1911.
2. *Сибирская советская энциклопедия*. М., 1931. Т. 3.
3. *Материалы музея школы им. А. С. Пушкина пос. Могочино, рук. С.В. Майкова*.
4. *Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 года (сборник архивных документов)*. Н-ск, 1992.
5. *Земля Парабельская: Сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма*. Томск: Изд-во ТГУ, 1996.
6. *Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало 1933 г. (сб. архивных документов)*. Н-ск, 1993.
7. *Соломейко Е. Пушкин в Могочине // Правда*. 29 января 1987 г..
8. *Томская область в цифрах и фактах. 50 лет Томской области (1944–1994)*. Томск, 1994. С. 54.
9. *Варшавский Г. Заметки об одном заводе // Красное знамя*. 18 июня 1948 г. С. 3.
10. Перечень местных публикаций. *Глазунов Н.* В эпоху Пушкина входи // *Красное знамя*. 12 февраля 1987 г. (о Могочинской средней школе им. А.С. Пушкина). *Галубев В.* Высокое слово призыва // *Красное знамя*. 5 сентября 1970 г. (трудовая армия Могочинского лесозавода). *Киселева И.* Живет школа русскими традициями // *Народная трибуна*. 30 марта 1994 г. (о Могочинской школе им. А.С. Пушкина). *Стойлов Э.* Весной здесь волны выше крыши // *Красное знамя*. 23–24 февраля 1991 г. (о поселке Могочино). *Кровельщикова В.* Мы из Могочино // *Красное знамя*. 2 марта 1990 г. *Харитонов В.* Как это было // *Знамя коммунизма (Молчаново)*, 1990 г. (репрессии в Молчановском районе).
11. *Черных Е.* В Сибирь, к Пушкину // *Комсомольская правда*. 10 февраля 1989 г.
12. *Областная целевая программа “Устойчивое развитие лесопромышленного комплекса Томской области на основе рационального лесопользования и глубокой переработки лесопроизводства”*. Томск, 1996.

Статья представлена Центром независимых социологических исследований исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 12 ноября 1998 года.

УДК 316:303.6; 316.77; 316.009.18

Л.Ю. Бондаренко

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 96-03-18012

Рассматривается использование качественного метода фокусированного интервью для изучения ситуации на промышленных предприятиях на примере Могочинского лесопромышленного комбината. В современных условиях нестабильности и неопределенности применение качественных методов позволяет глубже понять причины сложившегося положения, так называемые “реальные правила игры” и реконструировать социальное пространство.

В своем арсенале социологи имеют многообразные методы сбора и анализа информации. Можно выделить две основные группы: количественные и качественные. Причем на уровне обыденного сознания деятельность социолога ассоциируется именно с использованием одного из самых популярных количественных методов – анкетирования. Однако в последнее время эту группу методов потеснили методы качественные, такие как нестандартизованное интервью, фокус-группа, анализ биографий и других документов. Социологи пришли к выводу, что в ситуации нестабильности и быстрых перемен именно качественные методы позволяют глубоко проанализировать явление, погрузиться в проблему и ответить на вопрос “Почему?”, а не “Сколько?”. Выбор методов в социологическом исследовании определяется прежде всего его целями и задачами. Бывает и так, что в одном исследовании социологи используют и те и другие методы для получения наиболее полной и разносторонней информации. Так и произошло при изучении проблем занятости и безработицы на одном из типичных предприятий лесной промышленности области, которое проводили сотрудники Центра независимых социологических исследований ТГУ в 1996 г. Для получения информации по интересующей проблеме были использованы как метод анкетирования, так и метод фокусированного нестандартизованного интервью с безработными и работниками предприятия. Далее я остановлюсь только на анализе данных, полученных с помощью качественной стратегии (о результатах анкетирования читатель может узнать из статьи Л.С. Гурьевой, опубликованной в этом же номере журнала).

При использовании такой стратегии мы смогли исследовать не среднестатистического человека, а личность во всех переплетениях множеств ее тончайших социальных и психологических проблем, эмоциональных состояний, надежд и разочарований. Это дало нам возможность получить “живые”, спонтанные высказывания респондентов, а их мнения, суждения, оценки помогли представить и воссоздать реальность, а так же выявить субъективное понимание причин создавшегося положения.

В течение многих лет Могочинский лесозавод являлся источником жизнедеятельности поселка, а жизнь многих его людей была неразрывным образом связана с ним. Экономика поселка была моноструктурной – заготовка и переработка леса являлись основными видами производства. Поэтому для людей, ранее работавших на заводе, а затем оставшихся без работы, создалось весьма затруднительное положение: где работать? Ведь специфика географического положения Могочино, его отдаленность и замкнутость не позволяют людям ездить на работу, например, в город, и даже в соседний поселок,

так как попасть в него можно только на пароме. К тому же в самом поселке рабочих мест не хватает. Поэтому ощущением отчаяния пронизано описание людьми собственной жизни в поселке. Их высказывания свидетельствуют об упадке как самого поселка, так и некогда мощного и процветающего завода: “становится все хуже и хуже, нищета у нас”; “у всех нас одна забота – заработать”; “сейчас поселок полностью не работает, да еще на заводе хотят 60 человек сократить”; “поселок развалился быстро, а собрать долго, живем все так – день прожил и ладно”; “никакого производства, как на пус-